

- smartfiction - <http://smartfiction.ru> -

Можно попросить Нину? Кир Булычев

Posted By *longman* On 25.02.2014 @ 06:41 In Рассказы | [3 Comments](#)

— Можно попросить Нину? — сказал я.

— Это я, Нина.

— Да? Почему у тебя такой странный голос?

— Странный голос?

— Не твой. Тонкий. Ты огорчена чем-нибудь?

— Не знаю.

— Может быть, мне не стоило звонить?

— А кто говорит?

— С каких пор ты перестала меня узнавать?

— Кого узнавать?

Голос был моложе Нины лет на двадцать. А на самом деле Нинин голос лишь лет на пять моложе хозяйки. Если человека не знаешь, по голосу его возраст угадать трудно. Голоса часто старятся раньше владельцев. Или долго остаются молодыми.

— Ну ладно, — сказал я. — Послушай, я звоню тебе почти по делу.

— Наверно, вы все-таки ошиблись номером, — сказала Нина. — Я вас не знаю.

— Это я, Вадим, Вадик, Вадим Николаевич! Что с тобой?

— Ну вот! — Нина вздохнула, будто ей жаль было прекращать разговор. — Я не знаю никакого Вадика и Вадима Николаевича.

— Простите, — сказал я и повесил трубку.

Я не сразу набрал номер снова. Конечно, я просто не туда попал. Мои пальцы не хотели звонить Нине. И набрали не тот номер. А почему они не хотели?

Я отыскал в столе пачку кубинских сигарет. Крепких как сигары. Их, наверное, делают из обрезков сигар. Какое у меня может быть дело к Нине? Или почти дело? Никакого. Просто хотелось узнать, дома ли она. А если ее нет дома, это ничего не меняет. Она

может быть, например, у мамы. Или в театре, потому что на тысячу лет не была в театре.

Я позвонил Нине.

— Нина? — сказал я.

— Нет, Вадим Николаевич, — ответила Нина. — Вы опять ошиблись. Вы какой номер набираете?

— 149-40-89.

— А у меня Арбат — один — тридцать два — пять три.

— Конечно, — сказал я. — Арбат — это четыре?

— Арбат — это Г.

— Ничего общего, — сказал я. — Извините, Нина.

— Пожалуйста, — сказала Нина. — Я все равно не занята.

— Постараюсь к вам больше не попадать, — сказал я. — Где-то заклиналось. вот и попадаю к вам. Очень плохо телефон работает.

— Да, — согласилась Нина.

Я повесил трубку.

Надо подождать. Или набрать сотню. Время. Что-то замкнется в перепутавшихся линиях на станции. И я дозвонюсь. «Двадцать два часа ровно», — сказала женщина по телефону «сто». Я вдруг подумал, что если ее голос записали давно, десять лет назад, то она набирает номер «сто», когда ей скучно, когда она одна дома, и слушает свой голос, свой молодой голос. А может быть, она умерла. И тогда ее сын или человек, который ее любил, набирает сотню и слушает ее голос.

Я позвонил Нине.

— Я вас слушаю, — сказала Нина молодым голосом. — Это опять вы, Вадим Николаевич?

— Да, — сказал я. — Видно, наши телефоны соединились намертво. Вы только не сердитесь, не думайте что я шучу. Я очень тщательно набирал номер, который мне нужен.

— Конечно, конечно, — быстро сказала Нина. — Я ни на минутку не подумала. А вы очень спешите, Вадим Николаевич?

— Нет, — сказал я.

— У вас важное дело к Нине?

— Нет, я просто хотел узнать, дома ли она.

— Соскучились?

— Как вам сказать...

— Я понимаю, ревнуете, — сказала Нина.

— Вы смешной человек, — сказал я. — Сколько вам лет, Нина?

— Тринадцать. А вам?

— Больше сорока. Между нами толстенная стена из кирпичей.

— И каждый кирпич — это месяц, правда?

— Даже один день может быть кирпичом.

— Да, — вздохнула Нина, — тогда это очень толстая стена. А о чем вы думаете сейчас?

— Трудно ответить. В данную минуту ни о чем. Я же разговариваю с вами.

— А если бы вам было тринадцать лет или даже пятнадцать, мы могли бы познакомиться, — сказала Нина. — Это было бы очень смешно. Я бы сказала: приезжайте завтра вечером к памятнику Пушкину. Я вас буду ждать в семь часов ровно. И мы бы друг друга не узнали. Вы где встречаетесь с Ниной?

— Как когда.

— И у Пушкина?

— Не совсем. Мы как-то встречались у «России».

— Где?

— У кинотеатра «Россия».

— Не знаю.

— Ну, на Пушкинской.

— Все равно почему-то не знаю. Вы, наверное, шутите. Я хорошо знаю Пушкинскую площадь.

— Неважно, — сказал я.

— Почему?

— Это давно было.

— Когда?

Девочке не хотелось вешать трубку. почему-то она упорно продолжала разговор.

— Вы одна дома? — спросил я.

— Да. Мама в вечернюю смену. Она медсестра в госпитале. Она на ночь останется. Она могла бы прийти и сегодня, но забыла дома пропуск.

— Ага, — сказал я. — Ладно, ложись спать, девочка. Завтра в школу.

— Вы со мной заговорили как с ребенком.

— Нет, что ты, говорю с тобой, как со взрослой.

— Спасибо. Только сами, если хотите, ложитесь спать с семи часов. До свидания. И больше не звоните своей Нине. А то опять ко мне попадете. И разбудите меня, маленькую девочку.

Я повесил трубку. Потом включил телевизор и узнал о том, что луноход прошел за смену 337 метров. Луноход занимался делом, а я бездельничал. В последний раз я решил позвонить Нине уже часов в одиннадцать, целый час занимал себя пустяками. И решил, что, если опять попаду на девочку, повешу трубку сразу.

— Я так и знала, что вы еще раз позвоните, — сказала Нина, подойдя к телефону.

— Только не вешайте трубку. Мне, честное слово, очень скучно. И читать нечего. И спать еще рано.

— Ладно, — сказал я. — Давайте разговаривать. А почему вы так поздно не спите?

— Сейчас только восемь, — сказала Нина.

— У вас часы отстают, — сказал я. — Уже двенадцатый час.

Нина засмеялась. Смех у нее был хороший, мягкий.

— Вам так хочется от меня отделаться, что просто ужас, — сказала она. — Сейчас октябрь, и потому стемнело. И вам кажется, что уже ночь.

— Теперь ваша очередь шутить? — спросил я.

— Нет, я не шучу. У вас не только часы врут, но и календарь врет.

— Почему врет?

— А вы сейчас мне скажете, что у вас вовсе не октябрь, а февраль.

— Нет, декабрь, — сказал я. И почему то, будто сам себе не поверил, посмотрел на газету, лежавшую рядом, на диване. «Двадцать третье декабря» — было написано под заголовком.

Мы помолчали немного, я надеялся, что она сейчас скажет «до свидания». Но она вдруг спросила:

— А вы ужинали?

— Не помню, — сказал я искренне.

— Значит, не голодный.

— Нет, не голодный.

— А я голодная.

— А что, дома есть нечего?

— Нечего! — сказала Нина. — Хоть шаром покати. Смешно, да?

— Даже не знаю, как вам помочь, — сказал я. — И денег нет?

— Есть, но совсем немножко. И все уже закрыто. А потом, что купишь?

— Да, — согласился я. — Все закрыто. Хотите, я пошурю в холодильнике, посмотрю, что там есть?

— У вас есть холодильник?

— Старый, — сказал я. — «Север». Знаете такой?

— Нет, — сказала Нина. — А если найдете, что потом?

— Потом? Я схвачу такси и подвезу вам. А вы спуститесь к подъезду и возьмете.

— А вы далеко живете? Я — на Сивцевом Вражке. Дом 15/25.

— А я на Мосфильмовской. У Ленинских гор. За университетом.

— Опять не знаю. Только это неважно. Вы хорошо придумали, и спасибо вам за это. А что у вас есть в холодильнике? Я просто так спрашиваю, не думайте.

— Если бы я помнил, — сказал я. — Сейчас перенесу телефон на кухню, и мы с вами посмотрим.

Я прошел на кухню, и провод тянулся за мной, как змея.

— И так, — сказал я, — открываем холодильник.

— А вы можете телефон носить за собой? Никогда не слышала о таком.

— Конечно, могу. А ваш телефон где стоит?

— В коридоре. Он висит на стенке. И что у вас в холодильнике?

— Значит, так... что тут, в пакете? Это яйца, неинтересно.

— Яйца?

— Ага. Куриные. Вот, хотите, принесу курицу? Нет, она французская, мороженная. Пока вы ее сварите, совсем проголодаетесь. И мама придет с работы. Лучше мы вам возьмем колбасы. Или нет, нашел марокканские сардины, шестьдесят копеек банка. И к ним есть полбанки майонеза. Вы слышите?

— Да, — сказала Нина совсем тихо. — Зачем вы так шутите? Я сначала хотела засмеяться, а потом мне стало грустно.

— Это еще почему? В самом деле так проголодались?

— Нет, вы же знаете.

— Что я знаю?

— Знаете, — сказала Нина. Потом помолчала и добавила: — Ну и пусть! Скажите, а у вас есть красная икра?

— Нет, — сказал я. — Зато есть филе палтуса.

— Не надо, хватит, — сказала Нина твердо. — Давайте отвлечемся. Я же все поняла.

— Что поняла?

— Что вы тоже голодный. А что у вас из окна видно?

— Из окна? Дома, копировальная фабрика. Как раз сейчас, полдвенадцатого, смена кончается. И много девушек выходит из проходной. И еще виден «Мосфильм». И пожарная команда. И железная дорога. Вот по ней сейчас идет электричка.

— И вы все видите?

— Электричка, правда, далеко идет. Только видна цепочка огоньков, окон!

— Вот вы и врете!

— Нельзя так со старшими разговаривать, — сказал я. — Я не могу врать. Я могу ошибаться. Так в чем же я ошибся?

— Вы ошиблись в том, что видите электричку. Ее нельзя увидеть.

— Что же она, невидимая, что ли?

— Нет, видимая, только окна светиться не могут. Да вы вообще из окна не выглядывали.

— Почему? Я стою перед самым окном.

— А у вас в кухне свет горит?

— конечно, а так как же я в темноте в холодильник бы лазил? У меня в нем перегорела лампочка.

— Вот, видите, я вас уже в третий раз поймала.

— Нина, милая, объясни мне, на чем ты меня поймала.

— Если вы смотрите в окно, то откинули затемнение. А если откинули затемнение, то потушили свет. Правильно?

— Неправильно. Зачем же мне затемнение? Война, что ли?

— Ой-ой-ой! Как же можно так завираться? А что же, мир, что ли?

— Ну, я понимаю, Вьетнам, Ближний Восток... Я не об этом.

— И я не об этом... Постойте, а вы инвалид?

— К счастью, все у меня на месте.

— У вас бронь?

— Какая бронь?

— А почему вы тогда не на фронте?

— Вот тут я в первый раз только заподозрил неладное. Девочка меня вроде бы разыгрывала. Но делала это так обыкновенно и серьезно, что чуть было меня не испугала.

— На каком я должен быть фронте, Нина?

— На самом обыкновенном. Где все. Где папа. На фронте с немцами. Я серьезно говорю, я не шучу. А то вы так странно разговариваете. Может быть, вы не врете о курице и яйцах?

— Не вру, — сказал я. — И никакого фронта нет. Может быть, и в самом деле мне подъехать к вам?

— Так и я в самом деле не шучу! — почти крикнула Нина. — П вы перестаньте. Мне сначала было интересно и весело. А теперь стало как-то не так. Вы меня простите. Как будто вы не притворяетесь, а говорите правду.

— Честное слово, девочка, я говорю правду, — сказал я.

— Мне даже страшно стало. У нас печка почти не греет. Дров мало. И темно. Только коптилка. Сегодня электричества нет. И мне одной сидеть ой как не хочется. Я все теплые вещи на себя накутала.

И тут же она резко и как-то сердито повторила вопрос:

— Вы почему не на фронте?

— На каком я могу быть фронте? — Уже и в само деле шутки зашли куда-то не туда.

— Какой может быть фронт в семьдесят втором году!

— Вы меня разыгрываете?

Голос опять сменял тон, был он недоверчив, был он маленьким, три вершка от пола. И невероятная, забытая картинка возникла перед глазами-то, что было с мной, но много лет, тридцать или больше лет назад. когда мне тоже было двенадцать лет. И в комнате стояла буржуйка. И я сижу на диване, подобрал ноги. И горит свечка, или это было керосиновая лампа? И курица кажется нереальной, сказочной птицей, которую едят только в романах, хотя я тогда не думал о курице...

— Вы почему замолчали? — спросила Нина. — Вы лучше говорите.

— Нина, — сказал я. — Какой сейчас год?

— Сорок второй, — сказала Нина.

И я уже складывал в голове ломтики несообразностей в ее словах. Она не знает кинотеатра «Россия». И телефон у нее только из шести номеров. И затемнение...

— Ты не ошибаешься? — спросил я.

— Нет, — сказала Нина.

Она верила в то, что говорила. Может, голос обманул меня? Может, ей не тринадцать лет? Может, она, сорокалетняя женщина, заболела еще тогда, девочкой, и ей кажется, что она осталась там, где война?

— Послушайте, — сказал я спокойно. Не вешать же трубку. — Сегодня двадцать третье декабря 1972 года. Война кончилась двадцать семь лет назад. Вы это знаете?

— Нет, — сказала Нина.

— Вы знаете это. Сейчас двенадцатый час... Ну как вам объяснить?

— Ладно, — сказал Нина покорно. — Я тоже знаю, что вы не привезете мен курицу. Мне надо было догадаться, что французских куриц не бывает.

— Почему? — Во Франции немцы.

— Во Франции давным-давно нет никаких немцев. Только если туристы. Но немецкие туристы бывают и у нас.

— Как так? Кто их пускает?

— А почему не пускать?

— Вы не вздумайте сказать, что фрицы нас победят! Вы, наверно, просто вредитель или шпион?

— Нет, я работаю в СЭВе, Совете Экономической Взаимопомощи. Занимаюсь венграми.

— Вот и опять врете! В Венгрии фашисты.

— Венгры давным-давно прогнали своих фашистов. Венгрия — социалистическая республика.

— Ой, а я уж боялась, что вы и в самом деле вредитель. А вы все-таки все выдумываете. Нет, не возражайте. Вы лучше расскажите мне, как будет потом. Придумайте что хотите, только чтобы было хорошо. Пожалуйста. И извините меня, что я так с вами грубо разговаривала. Я просто не поняла.

И я не стал больше спорить. Как объяснить это? Я опять представил себе, как сижу в этом самом сорок втором году, как не хочется узнать, когда наши возьмут Берлин и повесят Гитлера. И еще узнать, где я потерял хлебную карточку за октябрь. И сказал:

— Мы победим фашистов 9 мая 1945 года.

— Не может быть! Очень долго ждать.

— Слушай, Нина, и не перебивай. Я знаю лучше. И Берлин мы возьмем второго мая. Даже будет такая медаль — «За взятие Берлина». А Гитлер покончит с собой. Он примет яд. И даст его Еве Браун. А потом эсэсовцы вынесут его тело во двор имперской канцелярии, и обольют бензином, и сожгут.

Я рассказывал это не Нине. Я рассказывал это себе. И я послушно повторял факты, если Нина не верила или не понимала сразу, возвращался, когда она просила пояснить что-нибудь, и чуть было не потерял вновь ее доверия, когда сказал, что Сталин умрет. Но я потом вернул ее веру, поведав о Юрии Гагарине и о новом Арбате. И даже насмешил Нину, рассказав о том, что женщины будут носить брюки-клеш и совсем

короткие юбки. И даже вспомнил, когда наши перейдут границу с Пруссией. Я потерял чувство реальности. Девочка Нина и мальчишка Вадик сидели передо мной на диване и слушали. Только они были голодные как черти. И дела у Вадика обстояли даже хуже, чем у Нины; хлебную карточку он потерял, и до конца месяца им с матерью придется жить на одну ее карточку, рабочую карточку, потому что Вадик посеял карточку где-то во дворе, и только через пятнадцать лет он вдруг вспомнит, как это было, и будет снова расстраиваться потому что карточку можно было найти даже через неделю; она, конечно, свалилась в подвал, когда он бросил на решетку пальто, собираясь погонять в футбол. И я сказал, уже потом, когда Нина устала слушать, то что полагала хорошей сказкой:

— Ты знаешь Петровку?

— Знаю, — сказала Нина. — А ее не переименуют?

— Нет. Так вот...

Я рассказал, как войти во двор под арку и где в глубине двора есть подвал, закрытый решеткой. И если это октябрь сорок второго года, середина месяца, то в подвале, вернее всего лежит хлебная карточка. Мы там, во дворе, играли в футбол, и я эту карточку потерял.

— Какой ужас! — сказала Нина. — Я бы этого не пережила. Надо сейчас же ее отыскать. Сделайте это.

Она тоже вошла во вкус игры, и где-то реальность ушла, и уже ни она, ни я не понимали, в каком году мы находимся, — мы были вне времен, ближе к ее сорок второму году.

— Я не могу найти карточку, — сказал я. — Прошло много лет. Но если сможешь, зайди туда, подвал должен быть открыт. В крайнем случае скажешь, что карточку обронила ты.

И в этот момент нас разъединили.

Нины не было. Что-то затрещало в трубке. Женский голос сказал:

— Это 148-18-15? Вас вызывает Орджоникидзе.

— Вы ошиблись номером, — сказал я.

— Извините, — сказал женский голос равнодушно.

И были короткие гудки. Я сразу же набрал снова Нинин номер. Мне нужно было извиниться. Нужно было посмеяться вместе с девочкой. Ведь получалась в общем чепуха...

— Да, — сказал голос Нины. Другой Нины.

— Это вы? — спросил я.

— А, это ты, Вадим? Что тебе не спиться?

— Извини, — сказал я. — Мне другая Нина нужна.

— Что?

Я повесил трубку и снова набрал номер.

— Ты сума сошел? — спросила Нина. — Ты пил?

— Извини, — сказал я и снова бросил трубку.

Теперь звонить бесполезно. Звонок из Орджоникидзе все вернул на свои места. А какой у нее настоящий телефон? Арбат — три, нет, Арбат — один — тридцать два — тридцать... Нет, сорок...

Взрослая Нина позвонила мне сама.

— Я весь вечер сидела дома, — сказала она. — Думала, ты позвонишь, объяснишь, почему ты вчера так себя вел. Но ты, видно, совсем сошел с ума.

— Наверно, — согласился я. Мне не хотелось рассказывать ей о длинных разговорах с другой Ниной.

— Какая еще другая Нина? — спросила она. — Это образ? Ты хочешь заявить, что желал бы видеть меня иной?

— Спокойной ночи, Ниночка, — сказал я. — Завтра все объясню.

...Самое интересное, что у этой странной истории был не менее странный конец. На следующий день утром я поехал к маме. И сказал, что разберу антресоли. Я три года обещал это сделать, а тут приехал сам. Я знаю, что мама ничего не выкидывает. Из того, что, как ей кажется, может пригодиться. Я копался часа полтора в старых журналах, учебниках, разрозненных томах приложений к «Ниве». Книги были не пыльными, но пахли старой, теплой пылью. Наконец я отыскал телефонную книгу за 1950 год. книга распухла от вложенных в нее записок и заложенных бумажками страниц, углы которых были обтрепаны и замусолены. Книга было настолько знакома, что казалось странным, как я мог ее забыть, — если бы не разговор с Ниной, так бы никогда и не вспомнил о ее существовании. И стало чуть стыдно, как перед честно отслужившим костюмом, который отдают старьевщику на верную смерть.

Четыре первые цифры известны. Г-1-32... И еще я знал, что телефон, если никто из нас не притворялся, если надо мной не подшутили, стоял в переулке Сивцев Вражек,

в доме 15/25. Никаких шансов найти тот телефон не было. Я уселся с книгой в коридоре, вытащив из ванной табуретку. Мама ничего не поняла, улыбнулась только проходя мимо, и сказала:

— Ты всегда так. Начнешь разбирать книги, зачитаешься через десять минут. И уборке конец.

Она не заметила, что я читаю телефонную книгу. Я нашел этот телефон. Двадцать лет назад он стоял в той же квартире, что и в сорок втором году. И записан был на Фролову К.Г.

Согласен, я занимался чепухой. Искал то, чего и быть не могло. Но вполне допускаю, что процентов десять вполне нормальных людей, окажись они на моем месте, делали бы то же самое. и я поехал на Сивцев Вражек.

Новые жильцы в квартире не знали, куда уехали Фроловы. Да и жала ли они здесь? Но мне повезло в домоуправлении. Старенькая бухгалтерша помнила Фроловых, с ее помощью я узнал все, что требовалось, через адресный стол.

Уже стемнело. По новому району, среди одинаковых панельных башен гуляла поземка. В стандартном двухэтажном магазине продавали французских кур в покрытых инеем прозрачных пакетах. У меня появился соблазн купить курицу и принести ее, как обещал, хоть и с двадцатилетним опозданием. Но я хорошо сделал, что не купил ее. В квартире никого не было. И по тому, как гулко разносился звонок, мне показалось, что здесь люди не живут. Уехали.

Я хотел было уйти, но потом, раз уж забрался так далеко, позвонил в дверь рядом.

— Скажите, Фролова Нина Сергеевна — ваша соседка?

Парень в майке, с дымящимся паяльником в руке ответил равнодушно:

— Они уехали.

— Куда?

— Месяц как уехали на Север. До весны не вернуться. И Нина Сергеевна, и муж ее.

Я извинился, начал спускаться по лестнице. И думал, что в Москве, вполне вероятно, живет не одна Нина Сергеевна Фролова 1930 года рождения.

И тут дверь сзади снова растворилась.

— Погодите, — сказал тот же парень. — Мать что-то сказать хочет.

Мать его тут же появилась в дверях, запахивая халат.

— А вы кем ей будете?

— Так просто, — сказал я. — Знакомый.

— Не Вадим Николаевич?

— Вадим Николаевич.

— Ну вот, — обрадовалась женщина, — чуть было вас не упустила. Она бы мне никогда этого не простила. Нина так и сказала: не прощу. И записку на дверь приколола. Только записку, наверно, ребята сорвали. Месяц уже прошел. Она сказала, что вы в декабре придете. И даже сказала, что постарается вернуться, но далеко-то как...

Женщина стояла в дверях, глядела на меня, словно ждала, что я сейчас открою какую-то тайну, расскажу ей о неудачной любви. Наверное, она и Нину пытала: кто он тебе? И Нина тоже сказала ей: «Просто знакомый».

Женщина выдержала паузу, достала письмо из кармана халата.

«Дорогой Вадим Николаевич!

Я, конечно, знаю, что вы не придете. Да и как можно верить детским мечтам, которые и себе уже кажутся только мечтами. Но ведь хлебная карточка была в том самом подвале, о котором вы успели мне сказать...»

Article printed from smartfiction: **<http://smartfiction.ru>**

URL to article: **<http://smartfiction.ru/prose/nina/>**

<http://smartfiction.ru> — качественная литература по будням. Коротко.